

Заба появился на божий свет не в уютной квартире и не в частном доме, где бы могли проживать любящие животных люди, и даже не в теплом подвале многоэтажки, как результат любовных походов обитающей здесь бездомной мамы-кошки, а на шумной территории угледобывающего предприятия, а проще — шахты. Появился в каком-то полузакрытом и неглубоком каменном «колодце», где проходила большая и теплая от горячей воды труба, отчего здесь можно было даже спокойно переносить зиму. Но Заба и его братья и сестрички были мартовскими, поэтому про зиму еще ничего не знали, и удивленно смотрели широко раскрытыми глазенками на освещенные жгучим летним солнцем здания, на высокую гору террикона, по которой то взбиралась вверх, то опускалась вниз маленькая вагонетка. Впрочем, вагонетка была заметна разве что людям (да и те не обращали на нее никакого внимания), маленькие же темные комочки рассматривали то, что поближе: те же здания, те же вагонетки, которые одна за одной катились рядом с легким стуком и, конечно же, людей. Больших людей, иногда смиренных и ласковых, когда те подсовывали котяткам кусочки хлеба или колбасы, и шумных, крикливых, пугающих и котят и кого-то еще своими криками:

— Сто-ой! Тормози-и! Забури-ились!

Что такое «забурились» ни Заба, ни его братья-сестры, конечно, не знали. Но знали, что после этого люди начинали кричать еще громче, злее, начинали материться и успокаивались только тогда, когда сошедший с рельсов вагон снова становился на место. Люди после этого снимали свои кепки, вытирали ими мокрые лбы. Иногда закуривали, лихо сплевывая слюну.

Как правило, вагонетки, которые направлялись к стволу, были загружены крепежным «лесом», то есть деревянными стойками, распилами, столбами,— всем, что необходимо для закрепления подземных выработок, чтобы ничто не падало, не валилось на голову, и можно было далее добывать уголь или углубляться к его новым пластам.

Ни Заба, который еще не имел никакой клички и только откликнулся на ласковое женское «кис-кис», ни его братья-сестры, ни даже их мама-кошка, исхудавшая в материнских заботах, не знали — что такое шахта. Да, конечно, и не узнают. Туда строго-настрого запрещен спуск какой-либо животине, будь то кошка, коза или собака. Исключением были только лошади, да и те еще совсем недавно опускались под землю не для прогулок, а для тяжелого каторжного труда. Но теперь под землей нет и лошадей. Их заменили электровозы. Озорные же парни-коногоны переучились на машинистов, сменив свои красиво плетеные кнуты на специальные рогообразные ключи от своих новых стальных «коней». Переучились, но характером не изменились, оставшись такими же весельчаками и скалозубами, готовыми в любой момент освищать и отбрызгать каждого, кто попытается подколоть их. Иногда машинисты сами, еще на поверхности, просматривали загруженные «лесом» вагоны, которые им предстояло сегодня доставлять в разные выработки. Заметив явно «бракованные», с плохо вращающимся колесом, бежали на лесной склад, ругались. Как было и сегодня.

— Куда ж вы грузите, гады такие?! Не видите, что бракованный?! Я ж потом задолбусь с ним, пока доставлю!

Грузчики лесного знали, что виноваты. Но кто же в этом признается?

— А нам некогда рассматривать,— огрызались,— бракованный он или не бракованный! У нас тоже наряд!

— Наряд у них... Враги какие-то!

Кляня и ругаясь, машинист бежал назад, готовый собственноручно выгрузить сейчас тот вагон, чтобы не пришлось под землей портить с ним нервы. Но пока добежал, гнев поутих. Кому охота выполнять дурную работу! Пусть опускают. Там, внизу, под стволом что-то придумаем.

Ближе к стволу перешел на шаг, и чуть было не наступил сапогом на темного, почти черного котенка.

— Тьфу ты, черт! А ты откуда еще взялся? Да еще черный.

Наклонился, взял Забу в руки, машинально посадил его на пахнущие смолой сосновые стойки, лежащие вровень с бортами вагонами. Посадил, убрав с дороги, чтобы кто-то случайно не задавил. А дальше что?

Забе так и не довелось испытать ласку человеческих рук. Над ним не сюсюкались с первых его дней взрослые тети, не визжали от восторга детишки, не брали его со временем на ладошки, не подносили к своим губам... Парень-машинист, кажется, был первым из людей, кто взял Забу на руки, но всего лишь на несколько секунд, чтобы убрать с дороги и посадить в вагон. Тот самый вагон, который, в числе других, будет отправлен в шахту.

2

Оказавшись в незнакомом месте, да еще и на невиданной для него высоте, Заба заволновался, начал вертеть головенкой, выискивая маму. Но мамы нигде не было, даже не слышался ее голос. Да и как тут услышишь, если вокруг столько шума: где-то перекрикиваются люди-человеки, где-то тарыхтит на рельсовых стыках большая металлическая коробка, именуемая электровозом, где-то, опуская вагоны под землю, шумят натянутые в струнку канаты, где-то... Заба покрутился на месте, ощущая теплым животиком легкую сырость и прохладу еще не высохших стоек, которые прибывают на шахты из далекой сибирской тайги, попищал, но таким тонким голоском, что его никто не услышал. Он попытался перебраться со скользкой стойки на борт вагона, откуда можно было бы спрыгнуть вниз, на землю, но вагон неожиданно дернулся, зазвенел сцепкой и вместе с другими вагонами покатился к стволу. Рывок был не сильный, но много ли Забе нужно! Он оскользнулся и упал в щель между стойками, почти на самое дно вагона.

Кричал ли он? Пищал? Наверное, кричал. Но кто услышит? Кто поможет? Может, услышала его мама, или, скорее всего, сердцем почувяла, что с одним из ее сыночков случилась беда, но и она не могла ему помочь. Женщины-рукоятчицы, отправлявшие вагоны в шахту, видели, как прибежала, мяукая, перепуганная кошка, как бегала вдоль вагонов, но понять ее, почувствовать ее материнскую боль так и не смогли. Отломил кусочек колбасы, положили подалше от рельсов, но бедная животинка на предложенную ей еду — ноль внимания. Если бы не непрерывный шум и лязг, которые стоят здесь при загрузке вагонов в клеть, если бы хоть на минуту воцарилась тишина, люди бы услышали, вернее — могли бы услышать из вагона жалобное мяуканье и вытащили бы несчастного Забу из вагона и отдали его встревоженной маме, но шум и звонкий металлический лязг не прекращались, вагон с котенком затолкали в клеть и дали сигнал опускаться.

Даже люди, здоровые и задорные донбасские парни, впервые опускаясь под землю, испытывают страх. Когда набитая людьми клеть, покачиваясь на канате, начинает все ощутимее набирать скорость, которая через десятки секунд почти сравняется со свободным падением, когда внезапно «закладывает» уши и голоса стоящих рядом начинают казаться отдаленными, когда металлический пол, кажется, вот-вот уйдет из-под ног, не много найдется храбрецов, которые не обратят на все это внимания, которые не заволнуются, крепко хватаясь за специальные поручни. Это уже со временем все они привыкнут к таким вот спускам и подъемам в клетки и будут при этом безостановочно болтать, рассказывая анекдоты или какие-нибудь забавные истории. И если при подходе к поверхности клеть начнет сбавлять скорость и неприятно дергаться, обязательно найдется какой-нибудь остряк и выдаст:

— Как так тянуть, так лучше б оборвалась!

Кто-то засмеется, кто-то в душе ругнется, а кто-то и осадит балбеса.

— Оторвало бы тебе, дураку, голову!

— Ха-ха-ха!

— Ги-ги-ги!

Выехав же на поверхность, кинутся, опережая друг друга, к ламповой и — в баню. Отработали — и слава Богу! Ведь могли бы и не отработать, и не выехать на поверхность, а если и выехать, то на носилках...

Догадавшись, что с ним случилось что-то страшное и непоправимое, Заба перестал пищать, закрыл глазенки и уткнулся носом в пахучую древесину. Вокруг что-то звякало, гремело, потом послышались отрывистые и неприятные звонки, после чего вагон полетел куда-то вниз, да так быстро, что у Забы помутилось в голове и сразу же исчезли все желания. Пусть уже не будет ни мамы, ни братиков и сестричек, пусть уже не будет ласкового солнышка, под которым они всем семейством грелись по утрам. Пусть ничего этого уже не будет, только бы исчез парализовавший его страх! Только бы исчез он сам.

Сколько длилось такое состояние — Заба не знал. Но через неопределенное время он вроде бы снова ощутил себя, почувствовал свои лапки и отчего-то замерзший нос. Почувствовал, что вагон, в котором он находился, снова оказался на рельсах и снова застучал на стыках. Из глубины вагона он не мог ничего видеть, только чувствовал, что его снова куда-то везут, но уже не по земле, а по какому-то полу мрачному, отдающему сыростью коридору.

Лебедчик Тихонович, который уже потихоньку собирал документы для оформления пенсии, в последнее время обслуживал в шахте два уклона: грузовой и люд-

ской, точнее — опусканием по грузовому материалу, а по людскому — людей. Даже для него, некогда травмированного под землей забойщика, эта двойная нагрузка была не в тягосты. В начале смены он «катал» по уклону людскую вагонетку, именуемую «козой», а когда все люди были опущены, а предыдущая смена выдана наверх, брал свою лампу и, прихрамывая, переходил на соседний, грузовой, уклон.

На грузовом работать было спокойнее, потому что туда никто не звонил, не требовал немедленно подать вниз «козу», не грозил, в случае задержки, наказанием, не желал... Ох, чего ему только не желали, узнав, например, что на лебедке какая-то поломка и людям придется топать пешком! Или узнав, что «коза» где-то забурилась, то есть сошла с рельсов. Правда такое случалось довольно редко, потому что «путевые» серьезно следили за состоянием колеи в людском уклоне, по которому им приходилось опускаться и подниматься самим. Случалось, что на «козе» срабатывали «парашюты», такое себе приспособление, которое при порыве каната может спасти людей от гибели. Правда, иногда срабатывали эти «парашюты» и безо всяких порывов, стоило только лебедчику слишком быстро «раскочегарить» и напустить канат. Ох, и носят же тогда горнячки неумелого лебедчика, ох, и таскают же, как собака тряпку! А потом берут и накрепко прикручивают эти «парашюты» стальной проволокой! Теперь хоть обрыв, хоть что — полетит вагонетка «орлом», нигде не зацепившись, пока не врежется во что-нибудь внизу уклона!.. И если в ней будут люди, то... оставшиеся калеками позавидуют погибшим.

Тихонович был опытным лебедчиком, его эта шахтерская чаша миновала, но если случалась поломка механизма, то и он получал... не по заслугам.

Сегодня утренний спуск-подъем прошел без происшествий, и теперь Тихоновичу, худощавому, рано поседевшему и слегка сгорбившемуся, что наводило людей на невеселые мысли о его здоровье, предстояло заняться спуском на нижний горизонт вагонов с «лесом». Вот только машинисты подгонят эти вагоны к уклону.

В помощниках лебедчику, как правило, состоят такие же пожилые шахтеры. Оклад здесь не велик, но и работа, что называется, не пыльная. Правда, покуда — тьфу-тьфу-тьфу! — вагоны не сойдут в уклоне с рельс. Особенно — груженные! Вот тогда-то и пыли понюхаешь, и горло надорвешь. Да и вообще можешь остаться без головы, если окажешься не слишком расторопным. «Сигнал» ведь на лебедку с места аварии подается... ударом молотка по металлической воздушной трубе! Иных сигнализаций нет. Стукнул два раза — значит, вниз. Стукнул три — вверх. Если нужно остановить — бей один раз. Стоп!

А если лебедчик за сотню метров не расслышал?!

Вот и лезут прицепщики под колесами забурившихся вагонов, вот и подкладывают под них разной толщины распилы, которые и должны вывести эти колеса на рельсы. И бьют молотком по трубе — сигналият. Увидели бы такую «сигнализацию» европейские шахтеры — сознания бы лишились!

Тихонович взял свою лампу, отбрасывающую на выработку мягкий синеватый свет, и пошел в сторону соседнего уклона. Еще издали заметил, что машинисты успели подогнать несколько груженных «лесом» вагонов, и решил сосчитать их, чтобы поделить потом состав на равное количество груза. «Лес» — не горная порода, «лес» намного легче. Можно будет прицеплять по несколько вагонеток.

Передвигался не спеша (с его-то ногай!), старательно переступая валяющиеся куски этой самой породы. Обходя лужу, почти прижался к борту одного из вагонов. И неожиданно услышал жалобное мяуканье. Сначала даже не поверил, приподнял насунувшуюся на лоб фибровую каску, повертел головой. Вроде тихо. Потом снова: мяу... мяу... мяу... Мать честная, да неужели кошка?! И где — в вагоне? Поднял над головой свою лампу, высветил ровно уложенные стойки, присмотрелся. Так и есть —

котенок! Сидит в узкой щели между деревянными стойками и передним бортом вагона. В уклоне (потому и уклон, что наклонный) стойки сдвинутся и раздавят несчастного, как муху. Да как же ты там оказалась, дурашка такой?! Как же ты мог туда забраться на своих слабеньких ножках? А ну, погоди-и, сейчас мы тебя-я...

Тихонович встал на сцепку, наклонился, пытаясь достать снова умолкнувший комочек. Котенок не сопротивлялся и оказавшись второй раз в руках человека, только комично тыкался своим розоватым носом в шершавые от мозолей ладони своего спасителя.

Да-а, история... Сколько лет проработал Тихонович под землей, но такого случая еще не было. Даже не слышал о таких случаях. Что же с тобой, горемыка ты наш, делать? А ну, давай-ка отнесу тебя к девочкам. Они что-нибудь придумают.

Женщин к тому времени специальным постановлением правительства из шахт уже вывели. Некоторые плакали: да мне же осталось полтора года до семи лет, а теперь потеряю весь подземный стаж!

Весь стаж не теряли. Но все равно размер пенсии теперь будет ниже. Как тут не заплакать. Тихонович тоже занял тогда после травмы «женское» место — место лебедчика. Пожалело, значит, правительство лучшую половину населения, отобрало у них металлические ручки управления, вывело из шахт и всучило им в руки... лопаты! Машите ими, дорогие вы наши, до пятидесяти пяти лет, дышите здесь, на поверхности, свежим воздухом. А то, что воздух пропах едкими парами горячего асфальта, который вам приходится укладывать,— эт ничаво-о! Работайте.

После ухода женщин мигом захирели их прежние рабочие места, в лебедочных камерах появился мусор, обрывки газет... Да и какой спрос с мужиков! Посмотрит, шмыгнет носом. «А кому оно здесь мешает?»

И все же было место, где по-прежнему работали женщины. Это был подземный медпункт, который располагался рядом с диспетчерской. Вот туда-то Тихонович и направился.

Углубление в выработке, где располагались медпункт и диспетчерская, и площадка перед ним были, наверное, самыми оживленными в шахте местами. За исключением, может быть, околоствольного пространства, где круглые сутки то опускали-поднимали людей, то принимали или выдавали на поверхность пустые вагонетки.

У диспетчерской находилось место сбора машинистов электровозов и десятников внутришахтного транспорта (со временем их станут именовать горными мастерами). Сюда же, на крепко сколоченные лавки, стекались и десятники вентиляционной службы, и взрывники-«запальщики», ранее времени поднявшиеся с нижних горизонтов. Здесь же, ожидая составы с крепежным материалом, дремали пред пенсионного возраста сцепщики. Особенно шумно и весело было в начале смены, когда появлялись демонстративно шумные машинисты, вечно веселые, заводные, жившие, в основном, в общежитии, где что ни день,— то какое-нибудь приключение! Вот и обсуждали теперь эти приключения громкогласно, на всю шахту, матерясь и разряжаясь дурашливым смехом.

В соседнем медпункте иногда не выдерживали. Открывалась дверь, и на пороге появлялась раздраженная этой мальчишеским бесстыдством медсестра.

— Ну, и долго вы будете? Долго мне ваши матюги слушать?

Замолкали, неловко хихикая и смущенно переглядываясь. Но — не на долго. И тогда принимались уже другие меры. Снова распахивалась дверь, и молодая женщина выплескивала кружку воды на головы охальников. Но таким хоть ты им это... в глаза — им все Божья роса! Отскочили, заржали и, получив чертей от диспетчера, шли «седлать» своих железных «коней».

Когда Тихонович подошел к медпункту, на лавках уже никого не было. Поднявшись по двум ступенькам, по привычке постучал.

— Заходите, заходите! Кто там?

Тихонович, непривычно улыбчивый и загадочный, переступил порог.

— Я так и подумала, что — вы, — поднялась ему навстречу медсестра. — Только вы можете сначала постучать... Что случилось, Тихонович?

Тихоновичу почему-то захотелось поинтриговать, чего за ним никогда не замечалось.

— Вам тут не скучно? — спросил бодро, явно чего-то не договаривая.

Медсестра удивилась. К заигрыванию шахтеров ей не привыкать. Но Тихонович всегда такой степенный, пожилой...

— Да пока что не-ет, — неуверенно произнесла она, приглядываясь к лебедчику.

— Тогда вот, — не выдержал он и вытянул из-за отворота куртки котенка. — Принимайте!

— Ой! Что это? Котенок? Откуда он у вас? Где вы его взяли?

Тихонович потоптался. Передал маленького горемыку в руки взволнованной женщины.

— В вагоне нашел. Сидел там, пищал. Пусть побудет у вас, а то у меня работа.

— Хорошо!

— А я потом, под конец смены, зайду.

— Заходите, заходите.

Передав найденыша в женские руки, Тихонович протяжно вздохнул и, улыбаясь своим мыслям, направился к грузовому уклону. Там, наверное, уже его кинулись искать.

4

Заба (он вскоре и получит эту кличку) терялся в догадках: еще совсем недавно у него была мама, были братья-сестрички, были одетые в рабочую спецовку женщины, которые просто не могли пройти мимо их кошачьего семейства, поэтому всегда останавливались, делились своим, завернутым в газеты, завтраком... Наконец, было теплое ласковое солнце, под которым они грелись каждое утро. И вдруг — этот вагон, это страшное чувство, словно тебя бросили в глубокую яму, и ты летишь, летишь, не в силах даже мяукнуть. Потом еще какие-то резкие и неприятные звуки, которых кошачья порода вообще не способна переносить. Даже взрослые коты, услышав такое, прижимают уши, да и сами прижимаются к земле. А что было делать ему, еще не отвыкшему от маминого молока?

Теперь же снова смена обстановки: какое-то светлое, теплое помещение, какая-то женщина, глядящая его своими мягкими нежными руками. Положила в уголок, подсунула под самый носик что-то вкусно пахнущее... Что это — тоже колбаса?

Заба, успев проголодаться, тут же накинулся на угощение, по привычке стараясь прикрывать этот кусочек от братьев-сестер, однако, кроме него, здесь никого не было, никто не прибежал, откликаясь на приглашение — «кис-кис», никто не мог выхватить у Забы из-под носа.

— Ешь, ешь, — ласково сказала медсестра. — Не бойся, никто не заберет.

Она подошла к рукомойнику, тщательно вымыла руки с мылом. Чисто профессиональная привычка. Ведь в любую минуту может зайти кто-то из горняков, кому необходима медицинская помощь. Чаще всего это бывают легко травмированные — с ушибами, порезами, которые необходимо зафиксировать в специальном журнале. Потому что до завтра так может опухнуть, разнести, что человек не в силах будет выйти на работу. Такое случается нередко и считается делом обычным. Но бывают случаи и пострашнее. Тогда никто в медпункт не заходит, а просто раздается телефонный звонок...

Медсестре особенно запомнился прошлогодний случай, когда ее вызвали на не такую уж отдаленный участок, и она побежала туда пешком. Бежала, прихватив всегда оснащенную всем необходимым медицинскую сумку, бежала, даже не представляя, что придется увидеть. Только и услышала взволнованный голос какого-то рабочего: «человека затянуло...» Он даже назвал тот механизм, куда затянуло несчастного. Но назвал по-своему, по-шахтерски, применив какое-то придуманное ими же название. И у молодой женщины оно не отложилось в голове. Беда,— значит, надо бежать и хоть чем-то помочь. Помощь эта всегда называлась первой необходимой. Нужно было делать обезболивающие уколы, бинтовать, накладывать «шины», сопровождать носилки с травмированным до самого ствола, даже выезжать с ним на-гора. Туда же подсказывала и машина «скорой помощи», увозила очередного пострадавшего в больницу, в травматологию.

Но в тот раз никаких ее медицинских услуг уже не требовалось. Каким-то образом цепь транспортерного конвейера, по которому движется уголь, захватила и затянула в узкое пространство механизма молодого рабочего. Услышав его крик, нажали на кнопку «стоп», но было поздно. Изуродованный, теряющий последние силы, он понимал, что это смерть и молил глазами подползшего к нему на коленях друга: включи, чтобы затянуло дальше, чтобы скорее отмучаться...

Друг все видел, все понимал, но снова включить механизм не поднималась рука.

Тогда медсестре впервые довелось сопровождать на-гора не травмированного, а погибшего. Молодой, по моде, длинноволосый, он лежал на батарее электровоза и встречный поток воздушной струи развеивал его белесые кудри. Она же шла рядом, держа в руках уже ставшую не нужной его каску, шла и вытирала холодные на ветру слезы...

Подкрепившись, Заба аккуратно облизнулся, чтобы на губах не оставалось ни единой крошки такой вкусотищи, и вдруг заволновался, забегал из стороны в сторону, жалобно мяукая, словно заранее прося прощения, потом застыл и оставил после себя маленькую лужицу. Тут же принялся «зарывать» свои следы, старательно потирая лапками в сухом месте.

Но, как видно, опасался Заба напрасно, никто его за это не ругал, никто на него не кричал. Он даже сам удивился своим опасениям, не понимая — откуда эти страхи, ведь ему до этого не приходилось жить среди людей, не приходилось доставлять им дополнительных хлопот.

Медсестра взяла половую тряпку, вытерла лужицу. Поискав, нашла невысокий картонный коробок, поставила в тот же угол, где Заба так замечательно пообедал.

— Вот теперь твое место. Запоминай.

Покормили, погладили, уложили спать. В помещении уютно, тепло, сверху светит немного непривычное «солнце». Чем не жизнь? Но и засыпая, вспомнил про маму и братьиков-сестер. Куда же они все делись?

5

Проснулся Заба от стука входной двери.

— Ну, как он здесь? — спросил Тихонович.

— Да ничего,— довольно отозвалась медсестра,— покушал и спит до сих пор.

Но Заба уже не спал. Он поднялся на все четыре лапки и, прогибая спину, потянулся.

— А-а, вот мы и проснулись! Так как вы его нашли, Тихонович?

— Да я же говорю: проходил мимо вагона и услышал писк. Заглянув внутрь, а он там на самом дне. Запросто могло стойками придавить.

— Неужели сам залез?

— Не похоже. Скорее, кто-то сверху посадил, а он вниз свалился.

— Ох, ты, горюшко маленькое!

Тихонович склонился над своим найденьшем, начал рассматривать, словно перед ним была какая-то невидаль.

Медсестра только наблюдала.

— Что ж вы решили, Тихонович, — рассчитываетесь?

Тихонович понимал — о чем речь и всегда был готов к такому разговору.

— А что нам, молодым, не женатым! — выпрямившись, бодро ответил он. — Для кого мне дальше работать? На одного мне и пенсии предостаточно.

Тихонович жил один. Ни детей, ни жены. Жена, правда, была. Была, да сплыла. И так не по-людски, так бессовестно, что по сей день не проходит горечь.

Выжив после травмы, Тихонович все равно потерял здоровье. Разумом понимал, что, как мужчина, Галину теперь не сможет устраивать (он стеснялся слова «удовлетворять»). Поэтому постепенно настраивал себя на любые неприятности, хотя жена никогда не казалась ему жадной до любовных утех и не требовала от него мужских сверхспособностей. И все же, как говорится, живой человек, молодая, не достигшая сорока лет женщина. Случись, сорвется, придется закрыть глаза. А что делать?

И как-то, вернувшись с работы, застал у себя в квартире незнакомого мужика, — коротконогого, белобрысого, с заметно выпирающим брюшком.

— Знакомья, брат приехал, — без тени смущения сказала Галина.

— Какой брат? — неуверенно улыбнулся Тихонович. Знал же, что никакого брата у его жены отродясь не было.

— Двоюродный брат, — уточнила она. — Хочет устроиться на шахту, а пока у нас поживет.

Двоюродный брат оказался веселым и смешливым. Тут же подскочил к «родственнику», начал трясти протянутую руку. Он и сам постоянно трясся от своих же шуток-прибауток, успев еще до застолья рассказать десяток анекдотов. Галина молодое, по-девчоночьи, смеялась, не понятно отчего горя глазами. Тихонович тоже не считал себя красавцем, но все-таки, как говорится, вышел и ростом, и лицом, хоть и получил в наследство от родителей задумчивый, даже стеснительный характер. И если поставить их рядом, то «двоюродному братцу» наверняка расхотелось бы веселиться. Однако, веселился и, что-то рассказывая, подскакивал к Галине и толкал ее пальцем чуть повыше груди. Она это замечала, но воспринимала все «по-родственному», даже не пытаясь слегка отстраниться.

Нехорошее что-то поселилось тогда в душе Тихоновича, какие-то неясные подозрения. С тяжелой душой уходил он на работу, оставляя жену с ее родственником. А возвращаясь назад, задерживал тоскливый взгляд на сверх аккуратно убранной постели. И через неделю, отработав и вернувшись домой, увидел записку: «Это не брат, это мой новый муж. Прощай».

Тихонович не повесился и не спился. Только стал обходить соседний доминошный столик, где раньше любил забивать с мужиками «козла». Чувствовал, что при его появлении даже им становилось неловко, перестали шутить на любовные темы и старались не встречаться с ним взглядом...

С тех пор Тихонович переключился на рыбалку, почти все свободное время, если, конечно, позволяла погода, проводил с удочкой на местном пруду, ничуть не тяготясь одиночеством и, как правило, бедным уловом. Да и тех несколько карасиков всегда скармливал по дороге встречным котам.

— Так что доработаю и — хватит! — тем же бодрым голосом повторил Тихонович, словно боялся, что ему не поверят. — Буду сидеть себе с удочками... Красота!

Придешь, бывает, а на ставке еще туман, легкая сырость... Я люблю легкую сырость, когда хочется закутаться в теплую куртку, согреться. А потом туман постепенно редеет, поднимается солнце. Птицы вокруг! И так приятно, так радостно на душе от всего этого покоя, от этой благодати и красоты! И уже не важно — поймал ли ты рыбежку, или даром просидел,— ничего не важно. Важно, что ты еще жив, любишь всем этим. Радуюсь жизни. И думаешь: а кто-то же сейчас под землей, дышит газом и пылью, надрывая себе жилы. А кто-то из ровесников и не дожил, уже давно покоится под крестом... У каждого своя судьба. И каждый по-своему радуется жизни.

Медсестра, заслушавшись, молчала. Будто впервые видела его.

6

В тот день они решили на время оставить Забу в медпункте. Пусть немного окрепнет. А вскоре он и получил эту, необычную для животных, кличку.

— У, какой черный, — засмеялся диспетчер, — впервые увидев маленького новосела.— Как забойщик!

Забойщик,— и забойщик. (То есть шахтер основной подземной профессии, добывающий уголь). Так и прозвали они нового подземного жителя Забойщиком, а для удобства произношения — Забой.

Заба, на удивление, быстро освоился, и уже через неделю самостоятельно гулял не только на «пяточке», где располагались диспетчерская и медицинский пункт, но начал интересоваться и более дальними «просторами». Медсестра и ее сменщицы, обнаружив его исчезновение, выходили из своего помещения, оставляя дверь открытой, и начинали кликать:

— Заба! Заба! Кис-кис-кис!

Заба не важничал и не умничал: зовут — надо идти! Тот час же возвращался, доверчиво терся о ноги своих хозяек.

— А ну, пошли домой, бесстыдник!

Когда выпадала смена, всегда заходил и приносил угощение Тихонович. Заба сразу же узнавал своего спасителя и, комично подняв хвост, мчался ему навстречу. Вообще, надо признать, он за короткое время стал тут всеобщим любимцем и если бы смог поедать все его каждодневные угощения, то уже через месяц превратился бы не просто в огромного кота, а целого тигра. Но Заба пока оставался в возрасте котенка, поэтому и съестные припасы поглощал по мере требования маленького организма, и все же начал круглеть, заметно поправляться, удивляя всех густой и лоснящейся шерстью.

Вкусная и полезная пища (а такой колбасы, которая продавалась в те годы в Донбассе, не видели ни в одной области тогдашнего Союза!) придала Забе не только красоты, но и сил. При нынешнем изобилии он, наверное, смог бы самостоятельно выбраться из того вагона и даже залезть на самое высокое дерево. Жаль только, что под землей нет никаких деревьев, одни темные угрюмые «коридоры», по которым ходят люди и ездят вагоны. Признал нашего Забу и парень-машинист, который без злого умысла посадил его тогда в вагон со стойками. Признал и прояснил ситуацию, рассказав, как случилось, что нынешний всеобщий любимец оказался в шахте.

— Разве ж я мог тогда подумать... Посадил и побежал. Ничего, я хоть сегодня вывезу тебя на-гора!

Однако под землей уже привыкли к потешному, быстро взрослеющему котенку. Да и будет ли ему лучше там, на земле, на территории шахты, где круглые сутки не прекращается работа, где так и снуют опасные для животных вагоны и куда забредают бродячие собаки. Это уже вопрос.

А здесь маленький путешественник — словно сыр в масле! Все его кормят, все гладят. Вот толпо с мышами, которых и под землей достаточно, особенно в тех местах, где шахтеры устраиваются завтракать, у Забы дружбы не было. Да и какая может быть дружба между потенциальным хищником и его жертвой? Правда, на роль хищника Заба никак не подходил: ласковый, мягкий и доверчивый. От изобилия еды у него так и не прорезался инстинкт охотника, которому изначально надлежало бы истреблять этих мышей. Он не желал с ними возиться даже ради забавы. Мыши это быстро поняли, перестали убегать, и только с интересом поглядывали из щелей на прогуливающегося рядом зверя, каких под землей никогда не было.

И спустя месяц Забу невозможно было узнать — так вырос, так округлился и так освоился в своем подземном царстве. Он уже самостоятельно добирался до одного и другого уклонов и без происшествий возвращался назад. Вечной темнотой Заба, по всему виду, тоже нисколько не тяготился. Ведь каждому известно, что для семейства кошачьих самое удобное время для охоты — ночь. А стало быть, и темнота. И Заба лучше любого шахтера ориентировался теперь в подземной темноте, за десяток метров уступая дорогу спешащим на-гора шахтерам или постукивающему колесами составу. Он все меньше времени проводил в медицинском пункте и медики к этому привыкли, хотя, приходя на смену, первым делом интересовались:

— А Заба где?

— Шляется где-то! — с напускной обидой отвечала сдающая смену. — Совсем от рук отбился!

— Ничего, есть захочет — прибежит.

И Заба всегда возвращался, легонько скреб укрепившимися когтями дверь.

А то как-то забрел в лебедочную камеру, где работал Тихонович. И старый шахтер обрадовался ему, как радуются внукам! Перво-наперво покормил, хотя Заба и без того уже плотно позавтракал, но для приличия обнюхал кусочек колбасы, съел половину. Тихонович не обиделся, знал, что его найденьша кормят все желающие. Странновато, конечно. Многие из тех, кто ухаживает сейчас за этим котиком, не замечают его сородичей, бегающих там, наверху, на поверхности. Не замечают, а то и обижают, отталкивая при случае ногой от своей двери. А здесь, в шахте, становятся такими внимательными и добрыми! А может, ничего странного и нет. Обыкновенное человеческое сочувствие: тоже ведь «шахтерик», подземный житель, давно не видевший солнца.

Еще раз подзаправившись, Заба начал обследовать помещение. Нет, здесь не так светло и уютно, как в медпункте. Там чистота и яркое освещение. Там коробка с мягкой подстилкой и блюдец. Здесь же, как и на уклоне, грубые металлические крепления да еще огромный «барабан» подъемной машины, на котором многочисленные витки крепкого каната. Заба уже начал присматриваться к этому «барабану», рассчитывая, что Тихонович позволит его обследовать, но тут зазвонил телефон, который всегда пугал Забу, и Тихонович на звонок включил свою машину. И огромная, по сравнению с маленьким Забой, махина «барабана» начала понемногу крутиться, набирая и набирая обороты. Да если бы молча, а то ведь с каждой секундой все возвышая и возвышая гул, переходящий в свист!

Заба запрыгнул к Тихоновичу на сиденье, прижался к нему, закрыв от страха глаза. Тихонович накрыл его своей, пропахшей машинным маслом, ладонью и начал поглаживать. Гладил, пока не опустил груз на нижний горизонт, пока не выключил свою лебедку. И уже догадывался, что после такого испытания Заба вряд ли покажется здесь хотя бы еще раз.

Заба действительно всерьез перетрусил (разве он виноват, что все коты и кошки не переносят резких звуков!) и как только лебедка умолкла, задал стрекача! И не ку-

да-нибудь, а напрямком в медпункт, ловко ориентируясь в полутьме и даже обегая редкие лужи просочившейся из трубы воды. Прибежал, поскреб в дверь и его с радостью впустили.

7

Шло время. Заба настолько привык к своему положению подземного жителя, что уже не мог вспомнить свои предыдущие дни и месяцы, проведенные там, на земной поверхности, не мог вспомнить свою маму-кошку и братиков-сестричек. Ему теперь и в голову не могло прийти, что где-то существует совсем иной мир, где под огромным синим небом, в котором купается ласковое теплое светило-солнце, много света, много зелени, много травы и деревьев... Да и как могло прийти, если он начисто забыл, что все это существует в природе. Он был полностью доволен своей жизнью и не представлял себе никакой иной. Обследовав все мало-мальски интересные места вблизи своего медпункта, он, сам не зная почему, заинтересовался высокими креплениями рядом с диспетчерской и не понятно каким образом забрался наверх. Теперь с высоты ему хорошо было видно всю «площадку», где периодически собирались машинисты и другие шахтеры, видно было, как внизу, прямо под ним, проносились вагоны, которые теперь ему были не опасны, и Заба остался этим очень доволен. Тем более что снизу он был не заметен, и медсестра тщетно звала его, поглядывая в разные стороны.

— Заба, Заба-а! Кис-кис-кис!

С тех пор, с каждым днем взрослея, Заба частенько забирался на свою «смотровую площадку», ложился на живот и довольно наблюдал за происходящим внизу. Соседние мыши, разгадав его добродушие, чуть ли не ходили по нему пешком и уже начинали сомневаться: действительно ли это животное — тот самый страшный зверь, кот? Когда Забе надоедало их топтанье, он приподнимался на лапы, мыши падали с него и с восторженным писком бросались прочь! Они словно дразнили его, как порой детишки дразнят захмелевшего прохожего.

Но в один день все изменилось.

В этот день, Заба это хорошо запомнил, сосед-диспетчер был особенно строг, заставил своих подчиненных, машинистов, навести вокруг диспетчерской чистоту, убрать все бумажки, все валяющиеся кусочки породы. Даже вынес из своей диспетчерской довольно потрепанный веник и приказал «площадку» подмести.

Забе не понравилась поднятая парнями пыль. Он несколько раз мучительно чихнул и, минуя поборников чистоты, привычно взобрался на свое любимейшее место: вы работайте, а мы полюбуемся.

Быстро управившись, машинисты дружно разъехались по своим участкам, и Заба решил, что на этом все интересное и закончится. Но вскоре, со стороны ствола, показались длинные яркие лучи ламп, которые именуются «надзорками». Заба еще не знал, что такие лампы бывают только у начальства, которое и впрямь надзирает за рабочими. Потянуло с той стороны и одеколоном, указывая, что среди надзора есть и женщины. Но такие тонкости Заба, конечно, знать не мог. Поэтому только уместился поудобнее, чуть ли не свесив голову вниз.

Лучи «надзорок» плясали по всей выработке, снизу вверх, словно что-то выискивая, пытаясь выявить то ли нарушения паспорта крепления, то ли недопустимое расположение электрических кабелей. На то он и надзор, или даже комиссия, чтобы «выявить и наказать»!

Заба замер и неотрывно следил за этими, до синевы яркими, лучами. Следил, словно замороженный, широко открыв глаза. Столько яркого света в шахте ему еще не приходилось видеть. И тут один из этих лучей больно полоснул ему по глазам!

— Ой! — вскрикнула какая-то женщина.— Господи, что это?!

Теперь Заба попал уже в перекрестные лучи, словно вышедший на цель бомбардировщик. Он вздрогнул, зажмурился, вжался в металлическую балку. А ведь уже думал, что в шахте для него все знакомо, все изведано, и бояться теперь здесь совершенно нечего!

Испугалась не только женщина. Видать, слегка перетрусили и мужчины. Поди, догадайся,— что это?! Неужели таких размеров крыса? Так... не похожа! В густой шерsti!

— Эй, диспетчер! — позвали издалека.— Это что у вас за звери здесь... находятся?

Выскочил диспетчер, даже забыв предварительно надеть каску. Кинулся, чуть ли не кланяясь, навстречу обещанной высокой комиссии. Поймал взгляд начальника шахты.

— Кот, Константин Петрович! Обыкновенный кот, задержался... значит... тут...

Начальник вытаращил глаза.

— Да вы что, мать...— но вовремя сдержался, оглянулся на женщину, которая до сих пор не могла прийти в себя.— Да вы что здесь, зверинец мне развели?! Ну, я с вами еще... — погрозил кулаком.

Заба сидел не шевелясь, только водил своими, горящими в свете ламп, глазами.

Начальнику шахты, видно, было неловко перед комиссией. Нечего сказать,— прославился! Теперь пойдут разговоры и насмешки, что на «Глубокой» под землей обитают коты. Комиссия из области, стало быть, слухи дойдут и до министерства. Специально, конечно, никто об этом докладывать не станет, а вот за столом, за рюмкой, наверняка вспомнят и посмеются.

— Ладно,— махнул начальник рукой, словно не придал случившемуся серьезного значения,— давайте к делу! Где мехдоставка?

— На верхней площадке,— услужливо и скороговоркой ответил диспетчер.— Ждет вас.

— Ждет... — буркнул начальник.— Мы на нижний горизонт. И пусть ожидает, пока не справимся.

— Конечно, Константин Петрович! — чуть ли не откозырял диспетчер.— Будет ожидать. А кота мы сейчас... спровадим!

Уж лучше бы и не вспоминал! Начальник снова прожег его взглядом и повел комиссию к людскому уклону.

Бедный Заба, всеобщий любимец! Правду говорят люди, что от любви до ненависти — один шаг! Что ему только не пришлось теперь услышать!

— Заба, черт паршивый! Где ты, сука, на мою голову взялся! Чтоб ты сдох на пузе! А ну, иди сюда! А ну, слазь оттуда! Я кому сказал!

Перепуганный Заба не знал, что делать. Поэтому даже не пошевелился, только прижал уши. Видя это, диспетчер начал искать хоть какой-то кусок породы. Все подмели, чертовы «коногоны»! Все подчистили. По его же указанию.

Пришлось махать руками, затем снятой курткой.

— А ну, слазь оттуда, тебе говорю! Слазь!

На эти крики вышла медсестра, догадавшись, что высокая комиссия прошла мимо.

— Где ты там сидишь?! — набросился диспетчер и на нее.— А ну, забирай своего обормота и чтоб духу его здесь не было! Через пару часов будут возвращаться, и мы вместе с твоим котом вылетим с работы!

Перепуганная медсестра не знала что отвечать.

— Заба! Заба! — сдерживая волнение, позвала она.— Кис-кис-кис!

Но Заба уже догадался, что случилось что-то непредвиденное и надо быть осторожным, не доверяя никому. Поэтому не откликнулся, только попятился назад, по стальной балке, откуда его и так никто бы не смог достать.

— Не надо на него кричать,— все же осмелилась возразить медсестра.— Он испугается и вообще забегит куда-то.

— Пусть забегает! Глаза бы мои его не видели!

Выкрикнув это, диспетчер побежал в диспетчерскую. Не дай Бог, еще лебедчика не окажется на месте, тогда начальник уж точно выгонит его с треском.

Прибежал, позвонил, успокоился. Даже пожалел бедного кота. Знал же, что не по своей воле тот оказался в шахте.

8

Да, такого поворота дела Заба, конечно, никак не ожидал. Носились с ним, как с человеческим ребенком, наперебой подкармливали, гладили. Никто и ни разу не прикрикнул, не обругал, не оттолкнул с дороги. Ходил себе, гулял, где хотел, ни у кого не спрашивая на то разрешения, и уже решил, что вся эта территория принадлежит ему. И вдруг появились в сиянии множества лучей какие-то пахнущие одеколоном люди, сначала испугались сами, а затем напугали тех, кто здесь работал. И напугали так, что один из них, диспетчер, стал с Забой невыносимо криклив и груб, добрая же и всегда ласковая медсестра, наоборот, почти потеряла от страха голос. Теперь вот стоит, зовет. А голоса нет.

Не дозвавшись своего приемыша, молодая женщина тоже вспомнила о своих первейших обязанностях, повернулась, ушла в медпункт, но дверь оставила приоткрытой. Чтобы Заба, одумавшись, мог в любую минуту прибежать, проскользнуть внутрь помещения, где ему всегда было очень тепло и уютно. Но Заба продолжал сидеть на прохладном, укрытом легкой ржавчиной металле, и не знал, что делать дальше. Поймать его здесь никто не сможет. Даже если кто-то из машинистов залезет наверх. Заба все-таки кот, а про кошачью ловкость слышал каждый. Один короткий прыжок — и по-ойдет гулять по верх многочисленных креплений, где столько разных щелей и лазеек, что не обследуешь и за год! Правда, все это не безопасно. Все-таки шахта, можешь не только хвост, но, как говорят сами шахтеры, и голову там оставить. А как потом Забе без головы?

Оставшись один, Заба, против обыкновения, не задремал, мирно мурлыча, а, наоборот, наострил свои уши. Куда это звонил по телефону диспетчер? Кому это он приказывал срочно приехать? И чей это электровоз резервным ходом приближается сюда?

То, что электровоз подходил резервом, то есть, без вагонов, Заба уже мог определить. Значит, диспетчеру нужен был сам машинист. И очень срочно, иначе бы не звонил, не отрывал от работы. И у Забы неприятно похолодело в животе. Он минутку поразмыслил, — что делать дальше. Лучше бы, конечно, спуститься — да в медпункт, на отведенное ему место. Но ведь там рядом обозленный чем-то диспетчер! Чем Заба не угодил ему?

Непонимание своей вины удручало более всего. Выходит, можно было и впредь нарваться на неприятность. И какое затем последует наказание — одному диспетчеру известно.

Тем временем подкатил электровоз. Резко затормозив, закачался, словно морской катер, носовой качкой. Машинист привычно щелкнул ключом, выскочил из кабины и напрямик в диспетчерскую. Видно, еще не знал — зачем так срочно понадобился.

— Поймать, и с первой же клятью его на-гора! — послышался зычный, переходящий на крик голос диспетчера.— Бегом!

Теперь все ясно! Забе даже не нужно было понимать человеческую речь, чтобы его тут же осенило: по его душу! Значит, нужно рвать когти! Он не стал дожидаться,

когда молодой, проворный паренек, желая мигом угодить начальнику, взберется на верхнюю балку крепления и стащит Забу за шкуру вниз. Вот вы, значит, какие, друзья хорошие! Тогда прощайте! Он и без вас проживет!

Пока парень бегал внизу, пытаясь высветить место, где обычно располагался ставший негодным кот, смысленый Заба спокойненько покинул свое лежбище, перепрыгнул с плоской балки на верхняк полуовального крепления, откуда его нельзя было высветить даже лучом лампы-«надзорки», и мог бы затаиться там хоть до конца смены, когда вредный командир машинистов отправится на-гора. Но каким-то чутьем догадался, что ему теперь и впредь не видать покоя, что преследовать и ловить его будут и другие, пришедшие на смену и этому диспетчеру, и этому машинисту.

И, без малейшего звука, без малейшего шороха, как умеет только кошачья порода, полез дальше, с крепления на крепление, между каменными выступами и влажным от сырости металлом, где местами почти не было никакого пространства. Его запах тут же уловили незнакомые Забе мыши, поэтому тревожно запищали, попрятались в совсем уж крошечные расщелины. Заба испугался, что эти пискуны могут выдать его своими тревожными голосами, поэтому спустился ниже, выглянул наружу. Полутьма, рядом никого, лишь в стороне диспетчерской мелькают огоньки ламп.

Заба успокоился, спрыгнул вниз и легкой тенью побежал дальше. Побежал, куда глядят его горящие в темноте глаза...

9

Каждый день, приходя на смену, Тихонович заходил в медпункт.

— Ну, что, — не было?

— Не было, — вздохнула медсестра. — Как в воду канул.

— Да-а...

На этом «да-а» их разговор и заканчивался. Медсестра знала, что Тихонович добирается последние дни и даже подал заявление на расчет. В связи, так сказать, с выходом на заслуженный отдых.

Что заслуженный, — то заслуженный. Как спустился под землю в восемнадцать лет, так всю жизнь здесь и проработал. Даже получив тяжелую травму. А теперь — все! Теперь прощай, шахта! Прощай, кормилица. Можно было бы, конечно, пару годков прихватить, работа не тяжелая, на кнопках. Да надоело все-таки каждый день надевать эти «шахтерки», опускаться под землю... И, главное, — для чего ему лишние деньги? Для кого?

Еще неделю назад Тихонович не прочь был поговорить об этом с каждым, кто интересовался его планами. Теперь же и медсестра не спрашивала, и ему самому не до разговоров о пенсии. Не выходит из головы этот чертушка Заба. Неужели где-то придавило? В шахте ведь опасностей хоть отбавляй. Не под колеса, так... где-нибудь за креплением прижмет. Или привалит.

— Да-а, — словно в раздумье, повторил Тихонович и, не поднимая глаз, вышел.

Пошла уже вторая неделя, как Заба исчез. Неужели вправду обиделся или почувствовал какую-то для себя неприятность? Так не зла же ему хотели, а всего лишь вывезти на поверхность. Оно ведь и вправду непорядок: домашнее животное, а разгуливает по шахте!

Диспетчер не осмелился сказать начальнику шахты правду, напел, что машинисты поймали, вывезли на-гора и отнесли за террикон. Пускай, дескать, теперь погуляет в чистом поле! А что, если Заба объявится да снова попадет на глаза начальнику?! Даже не начальнику шахты, а кому-то из более мелкого руководства? Сразу побегут и заложат, что диспетчер соврал. Ведь про кота этого, будь он неладен, знает теперь вся шахта!

Диспетчер нервничал, наказывал своим машинистам смотреть во все глаза. Может, где-то и заметят беглеца. Не здесь, так на нижнем горизонте. Он, зараза, шустрый, может оказаться и там. Если еще живой.

Старая полуслепая крыса тяжело доживала свои, отмеченные одиночеством, дни. Когда-то, еще при лошадях, которые находились в соседней подземной конюшне, у нее была большая и шумная семья. И что только ни делали с ними: и подбрасывали отраву, и швыряли в них кусками тяжелой породы, и проклинали, кто как мог, а они жили себе семьей и не тужили. Да и то спросить: за что такая немилость к ним, подземным старожилам? За то, что иной раз уворуют чей-то завернутый в газету завтрак? Или напугают лошадь? Зато никто, кроме их, крыс, не сможет заранее почувствовать обвал, никто не подаст знак: ребята, бежим! Вот как только крысы побегут, так сразу же срываются с места и люди, шахтеры. А не прислушаются, не побегут следом, оставляя опасное место,— запросто угодят под обвал. А там уж как кому повезет. Одному только ногу прильет, другому по голове достанется, а кого-то и с головой накроет! Покуда откапают, а человек уже и не дышит.

И никакой же тебе за такое предупреждение от людей благодарности! Мало того, что вывели из шахты лошадей и крысиное семейство почему-то пошло на убыль. Так нашли еще какой-то особый яд, от которого вымерла потом, считай, вся семья. Старая крыса тогда была совсем молоденькой, прошаталась где-то целую ночь, а когда вернулась к своей норе, увидела мертвыми всех своих сородичей. У нее хватило ума не тронуть валяющиеся остатки отравленного мяса, поэтому и осталась жива. Полуживой оказалась и одна из ее сестер. Долго болела, но все же выздоровела, и они, считай, до последнего жили вместе, вместе старясь и ненавидя людей.

В оставленной лошадьми конюшне был оборудован склад взрывчатых материалов. Поэтому вход на его территорию был огорожен решеткой, за которую пропускали далеко не всех. Не пропустили бы и старую крысу. Но она знала другие проходы, или лазы, совершенно с другой стороны. И страстно мечтала о мести, которую ей подсказала когда-то еще ее бабка. Где-то под утро людей, не занятых делом, буквально сваливает сон. Тогда они ничего не видят и не слышат. И можно незаметно подобраться и отгрызть у них... подушечки пальцев!

Почему именно подушечки пальцев,— бабка-крыса не уточнила. Может, это самое вкусное у людей место, а может, и самое болезненное. Но, по ее словам, крысы так поступали всегда. И мысль о такой мести не покидала старую никогда.

Она даже заметила одного из дежурных в этом складе, выдававшего проходчикам взрывчатку. Старый такой, шаркающий подошвами. Наверняка до утра не выдерживает, засыпает в ночное время. Будет знать, как травить крыс! Даже если травил не он — другие. Все эти люди одним миром мазаны.

Старая крыса дождалась, когда дежурный старик появится в ночную смену, потому что время суток определяла безошибочно. Дождалась, когда он выдал по сумке взрывчатки двум шахтерам, а затем надолго застыл, сидя на деревянном топчане. Скорее всего, ждал, что придут и другие бригады, которым тоже предстояли взрывные работы. Когда придут, - никому не известно. Все зависит от того, насколько быстро обурят забой. Поэтому старик долго не ложился, сидел, слегка покачиваясь, готовый в любую секунду откликнуться на чей-то насмешливый крик:

— Эй, дед! Что там — спишь?!

Старая крыса могла бы себе спокойно пробраться в склад лишь ей известными путями, проверенными норами, но захотелось побравировать, зайти через ре-

шетку, чтобы той же дорогой выскочить назад. Крыса уже злорадно представляла, как после ее укуса старина дернется, вскрикнет, начнет махать рукой, разбрызгивая во все стороны капли крови, и спросонья не сразу догадается, что произошло. А она за это время успеет выскочить, спрятаться в свою нору. Но спрятаться неглубоко, чтобы слышать, как старый ругается, топая от бессилия ногами и проклиная и без того всеми «трижды проклятых крыс». Старая крыса даже с удовольствием бы засмеялась, но смеяться она не умела. Оскалывать зубы — это пожалуйста! Злобно пищать — тоже без труда. Даже почувствовать какую-то, таящуюся в выработках, опасность, — все ей под силу. И... и вдруг почувствовала ее.

Нет, это был не обвал, способный запечатать огромными камнями, именуемыми в шахте породой, всю выработку. Здесь была опасность иного рода. Опасность от присутствия... живого существа. Снова лошади? Так нет, лошадей ни одна крыса не боится. Огромные, сильные, способные своими копытами размазать любую крысу, они все-таки побаиваются ее сородичей, побаиваются их острейших зубов.

Нет, это была не лошадь. Но что?!

Уже приблизившись к решетке, за которой почивал старый шахтер, крыса остановилась, повертелась во все стороны, стараясь не пропустить никакой мелочи, таящей в себе неожиданную опасность. И тут увидела... его! Что-о это-о, неужели кот?!

Как она, родившаяся и прожившая свою жизнь под землей, могла догадаться, что это кот, извечный недруг наземных крыс, — никому не известно. Но генетическая память подсказала, что это — враг, и враг опасный, которого крысе нужно атаковать первой. Старая, подслеповатая, но хорошо чувствующая врага, она приняла свою извечную боевую позицию, нервно пошевелила торчащими, как у кайзеровского фельдфебеля, редкими, но жесткими усами, и кинулась на откуда-то взявшегося кота. Кинулась на Забу.

11

В тот день Тихонович тоже работал в ночную смену. И это была его последняя смена в шахте. Он специально подсчитал так, чтобы утром выехать на-гора, сдать на склад еще не потрепанную спецовку, каску. Сапоги, еще добротные, кирзовые, он не сдавал, потому что они были его домашние, купленные в магазине. Будет в чем ходить осенью на рыбалку.

Что еще предстоит ему сделать в последний день его пребывания на шахте?

Вот только подумал об этом, и такой тоской обволокло душу! И чего — казалось бы! Всю рабочую неделю шахтеры ждут того выходного, чтобы не опускаться в шахту. Весь год считают месяцы до желанного отпуска, даже если придется провести его не на морском курорте, а на клочке земли, именуемом дачей. А тут тебе бессрочный отпуск, до конца твоих, не таких уж и долгих, лет. Отдыхай и радуйся, благодари Бога за каждый новый день. И вдруг эта тоска! По этой, пропахшей шахтой спецовке, что ли? Или по самой шахте, с ее пылью, газом и всевозможными опасностями, которые постоянно подстерегают человека? Да пошло оно все к такой матери!..

Можно, конечно, и ругнуться, и послать все это куда подальше. Но тоска от этого не пройдет. Потому что это тоска по юности, которая прошла под этими подземными сводами, тоска по всей твоей шахтерской жизни, которая уже покатила под крутой уклон, тоска по верным друзьям, которых и забрала эта шахта. Да и вообще: что такое — эта шахтерская льготная пенсия. Колхозник проработает до шестидесяти, а потом еще лет двадцать-тридцать проживет. Шахтер же выйдет на пенсию в пятьдесят, а сколько лет еще протянет — самому Богу известно. Может, пять, а может и год...

Передав смену, Тихонович попрощался со сменщиком, пожал ему руку. Потом еще раз зашел в диспетчерскую и под конец — в медпункт.

— Ну, что — не пришел? — уже безо всякой надежды спросил медсестру и скривил в полуулыбке сухие губы. Будто извинялся за ежесдневный вопрос. И по глазам понял, что Заба так и не нашелся.

— Тогда до свиданья, оставайтесь здесь с добром, а я уж свое отрубил,— покачал головой.— Не поминайте лихом.

Медсестра быстро подошла к нему, коротко чмокнула в щеку.

— Если найдется, мы вам сообщим.

И Тихоновичу эти слова были приятнее любых добрых пожеланий...

Подойдя к стволу, Тихонович увидел знакомого с юности старика, который в последние годы выдавал на складе взрывчатые материалы.

— Что это ты с сумкой? — спросил его с легкой иронией.— Сухари собираешь?

— Ага, сухари! — почти выкрикнул тот, как всякий плохо слышащий человек.— Это ж у вас там, на уклоне, кот прижился? Который потом исчез?

Тихонович от неожиданности замер, уставившись на мешок своего давнего приятеля.

— Ну, так и что?!

— Крысу у меня на складе задушил! Я как раз придремал малехо, потом слышу визг, писк...

— Так, а сам он, кот, живой?! — перебил его нетерпеливо Тихонович.— Живой?!

Старик развязал сумку.

— На месте еще дышал. Но весь покусанный!

— А ну, дай-ка мне!

Тихонович развернул сумку, поднес ее повыше к электрическому светильнику. Заба, весь в ранах и засохших пятнах крови, лежал неподвижно, и только веки закрытых глаз его нервно подергивались.

* * *

Заба поправился довольно быстро, и Тихонович чувствовал себя по-настоящему счастливым человеком. Теперь они жили вместе, вместе по вечерам смотрели телевизор, вместе сидели на лавочке у подъезда, на удивление и зависть словоохотливым соседкам. Но более всего Забе понравилось рыбачить. И как только Тихонович начинал обувать свои кирзовые сапоги, которые в те годы были самой удобной обувью как под землей, так и в работе по хозяйству, Заба подсказывал к нему, терся мордашкой о ноги хозяина, мурлыкал. Дескать, смотри же, не забудь и меня!

Да кто ж тебя, дурашку, забудет! Ведь как бывает Тихоновичу радостно, когда он вытаскивает из воды очередную рыбешку и, сняв с крючка, бросает мурчащему от нетерпения другу! Смотрит, улыбается и... тихонько вздыхает. О чем? Да мало ли — о чем...

В обиде теперь на Тихоновича только бродячие коты, которые раньше встречали его по дороге с пруда. Вся рыбка теперь уходит на угощение вот этому, со шрамами на мордашке, коту.

Случается им проходить и мимо шахты. Тогда Тихонович с тоской поглядывает на вертящиеся колеса копра, которые подтверждают, что она все-таки еще живет и, как прежде, трудится, шахта-кормилица. А Заба с интересом присматривается к стайке бродящих у столовой кошек и всегда пытается что-то вспомнить. Но, так и не вспомнив, проходит мимо.

